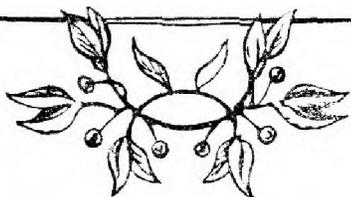

РУССКИЕ ПИСАТЕЛИ О ЯЗЫКЕ

Х Р Е С Т О М А Т И Я

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ
А. М. ДОКУСОВА

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ

A small, symmetrical decorative flourish consisting of two curved lines meeting at a central point, resembling a stylized arrow or a winged element.

A decorative flourish consisting of a central winged element, similar to the one above, flanked by two horizontal lines that extend to the left and right.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
УЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

Л Е Н И Н Г Р А Д

1 9 5 5

Н. И. Новиков¹

ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРА

ЗА РОДНОМ ЯЗЫК, КАК ЯЗЫК ЛИТЕРАТУРЫ

Я недавно был в дружеской беседе, где, весьма весело провождая время в разговорах и рассуждениях, случилось одному из приятелей моих вымолвить без всякия нужды французское слово в российском разговоре. Сие подало нам причину к рассуждению о сем злоупотреблении, вкравшемся в нас к порче российского наречия. Мы находили, что российский язык никогда не дойдет до совершенства своего, если в письменах не прекратится употребление иностранных слов; но потом стретилось новое препятствие: оное состояло в том, что если в письменах и начнут с крайнею только осторожностію употреблять иностранные речения, а будут отыскивать коренные слова российские и сочинять вновь у нас не имевшихся, по примеру немцев, то и тогда сие утвердиться не может, если не будет такая же строгость наблюдаема и в обыкновенном российском разговоре. Но чтобы рассуждение сие какую-нибудь принесло пользу, то согласились мы сделать между собою таковое учреждение, по силе которого всякой из нас, тогда бывших, за каждое иностранное в российском разговоре, без крайния нужды, вымолвленное слово повинен заплатить двадцать пять копеек, а казна сия по прошествии каждого месяца должна быть собрана и отослана в *Воспитательный дом* в подаяние. Но по прошествии несколького времени усмотрели мы, что таковая пеня для некоторых из нас (кои по привычке иностранные слова часто употребляют) будет отяготительна, то желая облегчить оных, а учреждение сие оставить в его силе, уменьшили пеню за каждое слово до пяти копеек; а к тому прибавили, чтобы коренные российские слова, вновь отысканные или сочиненные, сообщать для напечатанія к пользе любителей российского слова.

Сие, хотя, впрочем, шуточное, но, однако ж, отчасти и полезное учреждение нескольким особам уже понравилось, ибо неоспоримая есть истина, что доколе будут презирать свой отечественный язык в обыкновенном разговоре, доколе и в письменах не

может оный ни до совершенства дойти, ни обогатиться. Скажут некоторые, что не подобною сей выдумке отечественный язык до совершенства приводить и обогащать надлежит; что на сие есть особо учрежденные места, которые денноночно о том пекутся, или, по малой мере, печися долженствовали бы; что три, пять или десять человек молодых людей, и только что охотников, не более к собранию ученых, как единица к тысяче: что приступать к сему важному делу надлежит таким порядком: несколько лет думать, несколько лет рассуждать, несколько лет делать начертание, несколько лет рассматривать оный; много лет приготавливать вещество, много лет собирать оное, много лет приводить оное в порядок, много лет делать из приведенного в порядок выписку, много лет из выписки сочинять, а потом еще более всего, много лет рассматривать и одобрять оный труд к печатанию; что надлежит трудящимся давать много жалованья, покойные квартиры, хорошие столы и прочее, дабы все сие услаждало чувства и приводило отечественный дух в сильное движение; наконец, чтобы казна прежде совершенно потеряла несколько десятков тысяч рублей, пока общество увидит несколько десятков строк сего важного сочинения, в печать изданных: но что таковое сочинение будет похвально, полезно, удивительно и принесет великую честь всему государству; подобные же нашим выдумки частных людей похожи на русскую пословицу: *«Ходила синица море зажигать: моря не зажгла, а славы много наделала»*.

Таковым я отвечаю, что я не с тем упомянул о сем издевочном учреждении, чтобы сим способом советовал приводить язык наш к совершенству, а еще менее отвечаю за успех оныя выдумки, но ручаюсь за сие, что сия выдумка государству не будет убыточна и что если поправится она многим, то сим способом хотя и мало обогатится язык российский, но много присовокупится казна *Воспитательного дома*. Ибо смело можно сказать, что во времена Петра Великого во всей пространной России больше было людей, употреблявших в российском разговоре иностранные слова, нежели ныне в одном Петербурге не употребляющих оных. Наконец, противоречущему мне отвечаю русскою же пословицею: *«Не сули мне журавля в небе, а дай синицу в руки»*.

1774. «Кошелек». Лист первый,² стр. 478—480. *

«Г. Живописец!..

Недавно был я в одном доме<...> Начали дамы зевать, а кавалеры посвистывая, кобениться в креслах, как вдруг сказанным, *а пропо*, один из них возбудил в соседе внимание и спросил, кто читал «Живописца»?<...> До сего времени я и гласу не имеющие мои товарищи, коих было четверо, безмолвствовали, но один

* Сатирические журналы Н. И. Новикова. Редакция. вступит. статья и комментарии П. Н. Беркова. Изд. АН СССР, 1951. Все ссылки по этому изданию.

из них осмелился, в похвалу вам сказать, что всего удивительнее то, что вы, не зная ни по-французски, ни по-немецки, следовательно, по одному природному разуму и остроте, не заимствуя от чужестранных писателей, пишете такие листочки, которые многим вкус знающим людям нравятся. Слова сии, показавшиеся мне справедливыми, возымели совсем иное действие, нежели как я чаял, и, вместо того, чтоб снискать вам достойную похвалу, заставили раскаиваться после вымолвившего оные, ибо он ими сделал неучтивство даме, не согласуясь с ее мнением, и вооружил против себя стихотворца и молодых господ. Как скоро он сие выговорил, то все собрание громко захохотало, дама посмотрела на него с презрением, рифмач клялся снова, а господа, как будто сговорясь, в одно время вскричали, что листки ваши негодны. Ах, бог мой! сказал один из них: осмелиться писать, не зная по-французски! Сакристи! вскричал другой, это быть не может! Сим не кончилось, они продолжали язвить насмешками своими вас и бедного человека, осмелившегося не у места сказать слово, чего нам, беднякам, и в подлиншу в таких случаях делать не надобно, но француз, торгующий парижскими безделками на наши весьма действительные деньги, входом своим избавил вас от ругательства и подал время убраться домой пристыженному и осмеянному моему товарищу. Я вышел скоро за ним и, идучи, думал о происшедшем, наконец, вознамерился уведомить вас тем паче, что сие и до вас касается.

Ваш доброжелатель

1772. «Живописец». Лист. 22,³ стр. 454—456.

БОРЬБА ЗА ГРАМОТНОСТЬ, ЗА ИЗУЧЕНИЕ РОДНОГО ЯЗЫКА

По моде нашего времени писать не трудно; благодаря бога, правая моя рука здорова, буквы чертить по бумаге научился еще с робячества. Я говорю чертить для того, что российской грамоте учился я у дьячка, которой и сам не знал никаких правил, а о грамматике и не слыхивал, следовательно, учился я искусству попугая и обезьяны, по это, разумеется, только о российском языке, которому почти и все обучаются без правил; итак, были бы только чернила, перо, бумага, так и совсем автор. О времена! блаженные времена, в которые, не учась грамоте, становимся попами! Некоторые ненавистники письменного вкуса утверждают, что ко всякому сочинению потребен разум, учение, критика, рассуждение, знание российского языка и правил грамматических. — Устыдитесь, государи мои строгие судьи, устыдитесь своего мнения, оставьте ваше заблуждение, посмотрите только на молодых наших писателей, вы увидите, что они никогда вашим не следуют правилам. Вы то проповедуете, чего не было, или что вышло уже из моды; кто же будет вам следовать? — Право, никто. По малой вере, мы, молодые люди, никогда не огяготим памяти своей ненужным знанием, да это и похвально; для чего без нужды

трудиться? На что разум, когда и без него писать можно? Что в рассуждении и критике? — все ли захватить автору, надобно и читателям что-нибудь оставить. Пропади знание российского языка, ежели и без него можно жить в большом свете, а этот большой свет составляют почтенные и любезные наши щеголи и щеголихи. Исчезните, правила грамматические, вы только пустое делаете затруднение. А учение. — О! эта ненужная тягость совсем брошена. — Но что я слышу! строгие, ученые и благоразумные люди негодуют, вооружаются против меня, хотят делать опровержение моим правилам: я пропал! — Но постойте, государи мои, есть у меня защитники, они за меня ответственность вам будут. — Благородные невежды, ветреные щеголи, модные вергопрашки, на вас полагаю я надежду, вы держитесь моих правил, защищайте их, острые ваши языки к тому способны. И вы, добрые старички, вы думаете о науках согласно со мною, но по другим только причинам. Вы рассуждаете так: «деды наши и прадеды ничему не учились, да жили счастливо, богато и покойно, науки да книги переводят только деньги, какая от них прибыль, одно разоренье!». Детям своим вы говорите: «рости только велик, да будь счастлив, а ум будет». — Прекрасное правоучение, неоспоримые доводы, новая истина открывается свету!

1772. «Живописец». Лист 3, 4 стр. 288—289.

Госпожа Всякая всячина на нас прогневалась и наши правоучительные рассуждения называет ругательствами. Но теперь вижу, что она меньше виновата, нежели я думал. Вся ее вина состоит в том, что на русском языке изъясняться не умеет и русских писаний обстоятельно разуместь не может, а сия вина многим нашим писателям свойственна.

1769. «Трутень», 5 стр. 68.

ПРОТИВ ЯЗЫКОВОГО «ЧУЖЕБЕСИЯ»

Недавно через наш город проехал в Петербург какой-то славной *Выдумщик*. Он рассказывал нам о себе великие чудеса и показывал более ста выдумок, им сочиненных. Между прочими выхвалял он более всех сочинение, в котором он предлагает способ для приохочивания молодых российских господчиков к чтению русских книг. Оной в том состоит, чтобы русские книги печатать французскими литерами. *Г. Выдумщик* уверяет, что сим способом можно приманить к чтению российских книг всех щеголей и щеголих, да и самых тех, которые российского языка терпеть не могут. Он утверждал, что ежели эта его выдумка произведется в действо, то он надеется от сего великого успеха, потому что, по его мнению, французские буквы мягкостью своей очистят всю грубость российского языка. Сей великой человек недолго промешкал в нашем городе и поскакал в Петербург.

1772. «Живописец». Лист 6, стр. 300.

Ты, радость, *беспримерной* автор — по чести говорю, ужесть, как ты славен, читая твои листы, я бесподобно утешаюсь, как все у тебя славно: слог растеган, мысли прыгаючи — по чести скажу, что твои листы вечно меня прельщают, клянусь, что я всегда фельетирую их без всякой дистракции. Да и нельзя не так, ты не грустен, шутишь славно и твое перо по бумаге бегаёт бесподобно. Ужесть, ужесть, как прекрасны твои листы! <...> ты всегда стараешься оказывать нам учтивости, не так как некоторый грубиян, сочиня комедию, одну из подруг моих вытацил на театр — куда как он много выиграл? Я чаю, он надеялся, что все расхохочутся до смерти, аи право никто из наших сестер и учтивых мужчин и не улыбнулся, а смеялись только... Он хотел нас одурачить да не удалось. <...> В первой его комедии я сама до смерти захотала, ужесть как славно шпетил он наших бабушек, а эта комедия такую сделала дистракцию и такую грусть, что я поклялась никак на именины не ездить. Правда, ты и сам зацепился, но это шуткою, а за шутки мы никак не сердимся, напротив того ты бранишь одних только деревенских дураков да и беспримерно ужесть как славно ты их развернул в 5 листе твоего Живописца. — Ты уморил меня, точь в точь выказал ты дражайшего моего Папахина. — Какой это несносный человек! Ужесть, радость, как он не ловок выделан, какой грубиян! Он и со мною хотел поступать так же, как с мужиками, но я ему показала, что я не такое животное, как его крестьяне <...> Я приехала в Петербург, подвинулась в свет, разняла глаза и выкинула весь тот из головы вздор, которой посадили мне мои родители, поправила опрокинутое мое понятие, научилась говорить, познакомилась со щеголями и щеголихами и сделалась человеком. Но я никак не ушла от беды: муж мой в уме очень развязен, да это бы и ничего, чем глупее муж, тем лучше для жены, но вот что меня терзает до невозможности: он влюблен в меня до дурачества, а к тому ж еще и ревнив. Фуй! как это не ловко, муж растрепан от жены, это радость, гадко! О если б не помогало мне разумное нынешнее обхождение, то давно бы я протянулась. Сказать ли чем я отвязываюсь от этого несносного человека? Одними обмороками. — Не удивляйся, я тебе это растолкую: как привяжется он ко мне со свсими декларасьенами и клятвами, что он от любви ко мне сходит с ума; то я сперва говорю ему отцепись, но он никак не отстает, после этого резонирую, что стыдно и глупо быть мужу влюблену в свою жену, но он никак не верит, и так остается мне одно средство упасть в обморок. Тогда суется он по всем углам, старается помогать мне, а я тихонько смеюсь, ужасно, как беспримерно много помогают мне обмороки: боюсь! тем только и живу, а то бы он меня залюбил до смерти, бесподобной человек! Подари, радость, хорошеньким советом, что мне с ним делать. <...>

Р. С. *Услуги, радость*, мне, собери все наши модные слова и напечатай их особливую книжкою, под именем *Модного женского словаря*, ты многих одолжишь, и мы твой журнал за это будем превозносить.

1772. «Живописец». Лист 9,⁶ стр. 311—313.

Опыт модного словаря Щегольского наречия

Мужчина, притащи себя ко мне, я до тебя охотница. — Ах, как ты славен! Ужесть, ужесть, я от тебя падаю!.. Ах... Ха, ха, ха.

Ах, мужчина, как ты не важен!

Ах, мужчина, как ты забавен! ужесть, ужесть, твои гнилые взгляды и томные вздохи и мертвого рассмешить могут. Ах, как ты славен, бесподобный болванчик! — Ну, если б сказала я тебе: люблю, так ведь бы я пропала с тобою. — По чести, ты бы до смерти меня залюбил, — не правда ли? Перестань, радость, шутить, это ничуть не славно.

Ха, ха, ха: ах монквор, ты уморил меня: он живет три года с женою и по сию пору ее любит! Перестань, душенька, это никак не может быть: три года иметь в голове своей вздор. — Ах, как это славно! ха, ха, ха, необретаемые болванчики! — Ах, как он славен, с чужою женою и помахатья не смеет — еще и за грех ставит! Прекрасно, перестань шутить, по чести, у меня от этого делается теснота в голове. — Ах, как это славно! ха, ха, ха. — Они до смерти друг друга залюбят. — Ах, мужчина, ты уморил меня<...>

Бесподобные люди! — Она дурачится по-дедовски и тем бесподобно его терзает, а он так темеп в свете, что по сию пору не приметит, что это ничуть не славно и совсем пеловко, он так развязен в уме, что никак не может ретироваться в свет.

Перевод сего примера

Редкие люди! Она любит его постоянно, а он совсем незнающ в щегольском обхождении и не разумеет того, что постоянная любовь в щегольском свете почитается тяжкими оковами, он так глуп, что и сам любит ее равномерно.

Беспримерное маханье! Он посадил себе в голову вздор, а у нее вечной в голове беспорядок.

1772. «Живописец». Лист 10, стр. 317—319.

Пречестный отец Тарасий!

Послание твое, еже угодно тебе показася начертати ко мне, аще и недостойному толкия благости и грешнику сущу, аз получих и егда прочтох его, абие положих е на скрыжали сердца моего, да вразумлюся и поучюся словесем твоим по виегда ходити ми по стопам заповедей твоих. Но оле безумия нашего, поучати бо токмо навыкохом, а не поучатися. Всяк аще и юн сый, дерзно-

венно укоряет брата своего и затыкает ушеса своя, егда рекут ему: ты кто еси судая. Возведи, премудрый старец, очи твои окрест тебе и вниждь братню твою. Семо поучают, а идеже поучаются? Онде исправляют, а где исправляются? Не исправятся поучаемые, дондеже не исправятся поучающи. Но блюду себе, по словеси твоему, да некако... Прочее не престаю моля твое преподобие, да устроиши вся на пользу души моея, пожеша бо вся, елико же восхощеша. Исповедую бо под всеми, яко грешник есмь, и не имам иное, что принести тебе, токмо сердце чисто и дух сокрушен. Та же со смиреннем реку тебе словеса священная: удобее есть вельбуду пройти сквозе иглы уши, неже богату внити в царствие небесное. Но да не возмнят нецыи, яко кощунства единого ради начертах словеса сия: ей, измлада не навъчен есмь сему и не явлюся николи же греху сему причастен. Воистину николи же до кончины дней моих, аминь. Целует тя недостойный Живописец.

1772. «Живописец». Лист 21,¹ стр. 357.

Сие мудреное слово («Вивлиофика» — Ред.) (которого выговорить я не могу, да и написать едва мог с великою труднощию) поставил я шутя и нарочно вам в угождение: ибо оное слово, сказывают, взято из глубокой древности, и не знаю кем-то вытасено на свет: но ведаю то, что оно дерет уши, также что оно ни французское, ни русское; поставлено же оно вместо весьма употребительного во Франции и в России слова *Библиотека*. Библиотеку все знают, а Вивлиофики никто не разумеет. Сие рассуждение слышал я недавно от одного стихотворца: он прибавил к тому, что сия ересь недавно ввелася между писателями русскими, которых он считает только троих во всей пространной Российской империи. <...> Сей стихотворец рассуждал, что сия новая в письменах ересь вводится к порче, а не к поправлению языка, и что оная русскому языку совершенным падением угрожает. Я говорю это по словам его, а не по своему заключению, ибо по чести могу вас уверить, что я русских книг от роду не читывал и не имею, кроме сей: *Les oeuvres de Mr. Lomonosoff*. Сия книга известна под названием сочинений Ломоносовых, но я, избегая стыда, если бы в библиотеке моей русскую книгу увидели, приказал переплетчику заглавие ее поставить по-французски.

1774. «Кошелек». Лист 4,⁸ стр. 491—492.

ПРОТИВ ЯЗЫКОВОГО «ЛЖЕНОВАТОРСТВА»

Как ли ни: новопрозявившееся слово, которого ни во всем священном писании, ни во всех светских сочинениях славных наших авторов нет. Из чего следует, что пишущий ныне *как ли ни*, вместо *как ни*, гораздо разумнее тех писателей, которые до сего времени по-русски писали, несмотря на то, что остроумные сочинения с *как ни* устрояют наше сердце и питают разум, а издания

с *как ли ни* смеяться заставляют. По моему мнению, изобретатель *как ли ни* достоин такого же почтения, как изобретатели пороха, печати и арифметики, ибо сие слово весьма много способствует к приобретению богатства, а именно тем, что если его почаще употребить в каком сочинении, то книга вдвое толще будет, следовательно вдвое и дороже продана быть может.

1769. «Трутень». Лист V, стр. 60.

НОВИКОВ О СЛОГЕ ЛОМОНОСОВА ⁹

Бодрость и твердость его духа оказывалась во всех его предприятиях; начав учиться иностранным языкам в таких уже летах, в коих многие за невозможность почитают в них упражняться, достиг он до великого совершенства. На немецком языке писал и говорил как почти на своем природном; латинский знал очень хорошо и писал на нем; французский и греческий разумел не худо; и в знании российского языка, яко его природного и им много вычищенного и обогащенного, почитался он в свое время в числе первых. Слог его был великолепен, чист, тверд, громок и приятен. Предприимчивость столь часто бывает в других пороком, столь многократно ему приобретала похвалу. Он упражнялся во всех философических и словесных науках, в химии, с ее разными частями; а особливо прилежал к физике экспериментальной, которую и перевел на российский язык; в механике и в истории нашего отечества. Стихотворство и красноречие с превосходными познаниями правил и красоты российского языка столь великую принесли ему похвалу не только в России, но и в иностранных областях, что он почитается в числе наилучших лириков и ораторов. Его похвальные оды, надписи, поэма «Петр Великий» и похвальные слова принесли ему бессмертную славу. Нрав имел он веселый, говорил коротко и остроумно и любил в разговорах употреблять острые шутки; к отечеству и друзьям своим был верен, покровительствовал упражняющимся во словесных науках и ободрял их...

1772. *Опыт исторического словаря о российских писателях.* *

* Н. И. Новиков. Избранные сочинения, М.—Л., ГИХЛ, 1951, стр. 322—323.

1. Помещаемые ниже отрывки из высказываний русских писателей о языке отличаются от высказываний Ломоносова, Тредиаковского и Сумарокова меньшей систематичностью в постановке и разрешении вопросов языка.

Писатели второй половины XVIII века (Новиков, Фонвизин, Крылов), не будучи учеными филологами, в отличие от Ломоносова, Тредиаковского, затрагивали языковые проблемы в выступлениях по отдельным вопросам или группе вопросов, возникавших у них в связи с их художественной практикой или общественной деятельностью. Но даже и эпизодические высказывания их имеют большое значение для понимания языка, как средства художественной выразительности.

2. Борьба с «чужебесием», как говорили в XVIII веке, с рабским пристрастием ко всему иностранному, соединенным с пренебрежением к своему родному, русскому, — одна из основных и постоянных тем творчества Новикова. Борясь с языковым «чужебесием», Новиков возмущается и протестует не против «обогащения» русского языка заимствованиями из иностранных языков, а против модного тогда смешения двух языков, в котором собеседники даже отдельные предложения составляли частью из русских, частью из французских слов.

3. Изображение традиционного в то время отношения к литературному русскому языку в столичных дворянских кругах.

4. «Чужебесие» создавая пренебрежительное отношение к родному русскому языку, порождало безграмотность и невежество, что отмечает и с чем борется в своей сатире Новиков.

5. Настоящий отрывок представляет собой одно из полемических выступлений Новикова против императрицы Екатерины II. Ее он имеет в виду, говоря о «Всякой всячине».

6. «Письмо» к издателю «Кошеляка», откуда взят приведенный отрывок, напечатано в 1774 г. С 1772 г. печаталась «Древняя Российская Вивлиофика или собрание разных древних сочинений, яко-то: российские посольства в другие государства, редкие грамоты, описания свадебных обрядов и других исторических и географических достопамятностей, и многие сочинения древних Российских стихотворцев, издаваемых ежемесячно Николаем Новиковым», так что писатель, введший слово «Вивлиофика» — сам Новиков. «Les oeuvres de M^r. Lomonosoff» — Сочинения г-на Ломоносова (фр.).

Речь идет от лица отрицательного персонажа, таким образом для Новикова положительным является то, что порицается.

7. Сатирические образцы дворянского жаргона второй половины XVIII века, жаргона шеголей и шеголих.

8. Сатирический образец жаргона духовенства того времени.

9. «Л» — В. И. Лукин. Говоря о «предисловии», Новиков имеет в виду предисловия Лукина к его печатавшимся пьесам.

10. Сравни со «Словом о Ломоносове» в «Путешествии из Петербурга в Москву» Радищева. Как для Новикова, так после для Радищева Ломоносов — предмет законной большой национальной гордости.